

УДК 159.923.2: 008

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗА ТЕЛЕСНОГО Я КАК ПРОБЛЕМА РОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Богданова М.А. (Ростов-на-Дону, Россия)

Статья посвящена проблеме философского осмысления телесности человека. В статье подчеркивается важность междисциплинарного подхода в понимании человеческой телесности. Автор исследует факторы и механизмы превращения биологического тела человека в тело культурное. Дан анализ роли телесности в становлении личностного Я, выявлены сущностные стороны форм телесных репрезентаций.

Bogdanova M.A. (Rostov-na-Donu, Russia). THE FORMATION OF BODY IMAGE AS A PROBLEM OF BIRTH OF PERSON

The article is devoted to the problem of philosophical interpretation of human embodiment. The article underlines the importance of interdisciplinary approach in understanding of human embodiment. The author investigates the factors and mechanisms of the biological body's transforming into the cultural body. The analysis of the role of embodiment in formation of personality, the essential sides of forms of body's representations are revealed.

Дано мне тело — что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?
Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.
Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.
Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.
О.Мандельштам.

Исторически закреплённая рационалистическая традиция противопоставления «человека телесного» и «человека духовного» продолжает воспроизводиться не только в русле теоретических поисков, но в том числе и на практике, (в различных институтах социализации: в семье, в системе образования, воспитания), где эта традиция закрепляется и продолжается. Распространённым и даже обычным является подход, при котором телесно-физические качества человека являются объектом воздействия сами по себе, а интеллектуальные и духовные – сами, без какого-либо сопряжения их между собой.

Что же предлагает современная система образования личности для развития его тела и формирования образа его телесного «Я»? Основное внимание уделяется развитию у субъекта психофизических качеств, связанных с выполнением локомоторных и оперативных действий, необходимых ему для социального взаимодействия. Формирование отношения к телесности сводится к механическому, неосознаваемому освоению субъектом возможностей своего тела как носителя сознания. Телу отводится роль пассивного образования, поддерживающего и воспроизводящего процесс ментального обучения. Самоидентификация личности связывается с тем, что личность должна определить свое положение в социальном мире и усвоить те телесные техники, которые являются необходимым условием для осуществления тех или иных видов деятельности и восприятия сообществом поведения данной личности как приемлемого. «Таким образом, применение современной модели образования может иметь одним из побочных результатов то, что человек отчуждает от себя собственное тело. «Отчуждение» происходит тем быстрее, чем в большей мере субъект ориентируется на общепринятые формы поведения и чем меньше значения он придает собственной уникальности. Страх порождает слабое тело, напряжение ума и ограничение эмоционально-чувственных проявлений». [1, С.102] Устойчивость традиции разъединения телесности и духовности, разведения «внутреннего» мира человека и его внешней явленности, влечет за собой, наряду с уже упомянутой проблемой, проблему от-

сутствия подлинной культуры здоровья, и иные, не менее важные социальные проблемы – к примеру, расширение платформы для роста девиантного поведения в ситуации, когда телесно-физическое развитие оторвано от других аспектов становления личности. К такого рода последствиям – как личностно, так и социально значимым – следует отнести и отсутствие у большей части людей эстетики двигательной деятельности, несформированность эстетики тела как немаловажного компонента общей культуры.

В рамках отечественного социально-гуманитарного знания и социальной практики эта логика была существенно дополнена еще и влиянием идеологического фактора, на протяжении длительного периода определявшего саму возможность признания того или иного феномена в качестве предмета, достойного или недостойного исследовательской работы и поведения, одобряемого или порицаемого.

В то же время, оставляя в стороне конкретно-исторические обстоятельства проблемы «разъятия» телесного и духовного в человеке, необходимо отметить, что в самом общем плане периферийность проблемы человеческого тела и его образа в структуре личностного «Я» в системе социально-гуманитарного знания является не слишком неожиданной – ведь эта область знания традиционно ориентирована на изучение не природных феноменов (одним из которых и видится человеческое тело), а на постижение специфического, искусственно созданного человеческого мира – мира культуры. Утвердившийся в гуманитарной науке «бестелесный» подход сводит всю сущность человека к его сознанию, не замечая того, что сама телесность в ходе своего прижизненного существования теряет свою природное естество, очеловечивается и приобретает новые внеприродные качества. «...Гораздо раньше, чем человек начинает манипулировать с внешними объектами, практически с первых дней жизни ему постепенно, поэтапно прививают навыки культурного осуществления таких важных человеческих функций, как умение по-человечески есть, пить, выделять экскременты, ходить и пр. [2, с.189] «Телесность человека – это первый в онтогенезе предмет овладения и трансформации в орудие и знак». [3, с.4]

Начать статью о культурных составляющих образа телесного «Я» необходимо по нашему мнению с уточнения понятий «тело», «телесность» и «образ тела».

Понятием «тело» обозначается материальное образование, обладающее качеством протяженности, имеющее форму, вес, размер, которое формируется, развивается и умирает в процессе жизни. Установление параметров тела является важнейшим способом его изучения и описания, применяемым в естествознании как метод исследования его жизни.

«Телесность» же есть одухотворенное человеческое тело, это объективно наблюдаемое и субъективно переживаемое выражение, и свидетельство вектора заинтересованной энергии индивида. На состоянии телесности отражаются мотивации, установки и, в целом, система смыслов индивидуума, поэтому она представляет собой материальный, видимый аспект души (психе). Человеческая телесность является результатом процесса онтогенетического, личностного развития и выражает культурную, индивидуально-психологическую и смысловую составляющие уникального человеческого существа.

Разграничение понятий «тело» и «телесность» связано также и с тем обстоятельством, что первое из них чаще всего ассоциируется с некоторым фиксированным, относительно статичным, ограниченным анатомо-физиологическим объектом. Термин же «телесность» в силу того, что за ним «стоит» человек, действующий и пресле-

дующий свои цели, приобретает дополнительный смысл, связанный с динамической характеристикой тела — его двигательной активностью. Таким образом, понятием «телесность» мы обозначаем тело с присущей ему двигательной активностью, экспрессивными формами проявления, находящееся в социокультурном пространстве и взаимодействующее с ним, детерминированное в своих соматических и двигательных характеристиках как природными закономерностями, так и особенностями этого пространства.

Если тело человека является вещественной субстанцией, телесность – вещественно-духовной, то «образ тела» выступает как представление человека о своем теле, передаваемое посредством понятий и категорий, а значит, не содержит в себе ни грана вещественности. «Образ тела» не есть образ отдельно взятого материально тела или образ телесности. «Образ тела» есть интегрированное психологическое образование, складывающееся из представлений человека, как о теле, так и о телесности. Каждому человеку свойственно свое собственное восприятие телесности и отношение к телу, которое он воспроизводит в своей повседневной жизненной практике, выбирая тот или иной вектор телесного поведения, проявляющийся в гигиене, питании, отношению к моде, спорту, вредным привычкам и пр. Образ тела формируется, развивается и изменяется на всем протяжении жизни человека.

Наше представление о собственном теле характеризуется необычайной подвижностью и противоречивостью, что во многом объясняется ограниченностью человеческих возможностей «познать самого себя», сложить свой телесный образ. В сущности, Я должен составить себя из мозаики разных элементов, которые добываются с помощью пяти органов чувств, притом в неравных объемах. Но это возможно лишь в достаточно ограниченной степени, остальное приходится «достраивать» с помощью воображения, интуиции и сложнейших интеллектуальных усилий. Как известно, в освоении мира человеком и самого себя в этом мире, главенствующую роль играет зрение. Но даже зрение не дает нам полную информацию о нашем теле. «Оборачивая во все стороны свою голову, я могу достигнуть видения всего меня со всех сторон окружающего пространства, в центре которого я нахожусь, но я не увижу себя, действительно окруженного этим пространством» [4, с.117].

Представления о «недостающем» (мы не можем видеть своего лица, а тело видим практически только спереди), человек восстанавливает по отражению, с помощью зеркала, но для этого он должен научиться самоотождествлению, т.е. научиться операциям сравнения. Всем известен миф о Нарциссе, в котором речь идет о юноше, влюбившемся в собственное отражение в воде. Смысл этого мифа не в осуждении эгоизма и самовлюбленности, а в том, что единственным способом «увидеть» себя, обрести собственный, в том числе и телесный образ – это наличие зеркала, и миф о Нарциссе - это миф о «первозеркале». Нарцисс принял себя за другого, не зная, что такое отражение и не владея техникой самоотождествления. М.Бахтин, рассуждая о том, как может рождаться положительный образ телесного Я (сегодня мы можем наблюдать проявления активного неприятия своего тела со стороны многих людей, чьи телесные параметры «не совпадают» с транслируемыми и рекламируемыми СМИ эталонами) пишет о роли матери и близких людей для ребенка, от которых он получает первые определения себя и своего тела. Из их уст ребенок слышит и начинает признавать свое имя, названия собственных состояний и желаний, идущих от тела «...первые и самые авторитетные слова о нем, впервые извне определяющие его личность, идущие навстречу его собственному внутреннему самоощущению, давая ему форму и название, в которых он впервые осознает и находит себя как нечто, суть сло-

ва любящего человека» [4, с.127]. Любовные слова матери, ее заботливое участие, идущие навстречу «смутному хаосу внутреннего самоощущения» связывают ребенка с миром, оформляют для него этот мир и делают узнаваемым и понятным самого себя. «Впервые видеть себя ребенок начинает как бы глазами матери и говорить о себе начинает в ее эмоционально-волевых тонах, как бы ласкает себя своим первым самовысказыванием; так, он применяет к себе и членам своего тела ласкательно-уменьшительные имена в соответствующем тоне: «моя головка, ручка, ножка», «мне хочется спатеньки, бай-бай» и т.п. – здесь он определяет себя и свои состояния через мать, в ее любви к нему, как предмет ее милования, ласки, поцелуев; он как бы ценностно оформлен ее объятиями» [4, с.127].

В середине XX века стали широко известны результаты уникальнейшего эксперимента по формированию личности слепоглухонемых детей в школе-интернате в Загорске. Четверо воспитанников этой школы-интерната стали студентами психологического факультета Московского Университета и успешно его закончили. Возглавляли творческий коллектив воспитателей-педагогов школы-интерната И.А.Соколянский и его ученик и последователь А.И. Мещеряков. «Развернутую теорию «рукотворного чуда», показав универсальное значение стратегии и тактики эксперимента – мировоззренческое, философское, психологическое, педагогическое, культурно- и социально-историческое» дал Э.В. Ильенков. В своей статье «Расширяющаяся вселенная души – Experimentum stuces» вошедшей в сборник, посвященный Э.В.Ильенкову [5], Л.К. Науменко пишет о том, что и по прошествии 30 лет после эксперимента его результаты, а также выводы, сделанные Э.В. Ильенковым продолжают рождать новые темы для дискуссий и размышлений. Для целей нашего исследования небезынтересно привести следующие рассуждения Л.К. Науменко о тех впечатлениях, которые на него и всех членов Ученого Совета, произвели эти четверо выпускников: «Мне не удастся подобрать достаточно точные научные термины, способные передать непосредственное общее впечатление от общения с «четверкой». Ловлю себя на том, что точнее всего оказывается именно психологический критерий оценки «адекватности» мышления, сформулированный Декартом и разделявшийся Спинозой, - *ясность и отчетливость*. Складывается впечатление, словно они смотрят на мир сквозь какое-то необыкновенное чистое стекло, прозрачный хрусталь, обладающий способностью пропускать лишь лучи света и отбрасывать, отсеивать тот туман и мусор, который зачастую мешает нам, зрячеслышащим, видеть существо явлений, «чистый смысл» проблемы». [5, с. 301] За счет чего же достигается эта ясность и отчетливость? За счет более раскрепощенного движения тела. «Разве мы, зрячие, видим только глазами, разве руки не учат наш глаз? Разве видимое пространство не открывается глазу по мере того, как движение протяженного органа тела – руки в реальном пространстве добавляет к двумерному изображению предмета на сетчатке третье измерение?» [5, с.302].

Таким образом, «ясность и отчетливость» восприятия мира достигается именно в процессе активной человеческой деятельности, инструментом которой является тело человека, присваивающего в этой деятельности анатомию и механику предметного мира. Осваивая мир, человек судит о его форме и параметрах в соответствии с формами и параметрами собственного тела, т.е. образом своего телесного Я. А эти самые формы и параметры своего тела человек добывает, встраиваясь в систему социально-культурного пространства. Человеку с момента его рождения противостоит не просто внешняя среда, а предметный очеловеченный мир, в котором все вещи и их отношения имеют не биологическое, а общественно историческое значение, следова-

тельно ему приходится действовать в предзаданном осмысленном поле социальности и смыслы этой социальности удерживаются не только посредством языка или всей знаково - коммуникативной системой общества: мифы, символы, тексты, традиции, но как мы полагаем, так же и действием телесных техник. «Культурная история человека, история создания орудий, инструментов, метрических систем, способов действия, технологий и др., - это одновременно история формирования и человеческого тела конфигурации субъект-объектного членения.» [3, с.65]. Уже на уровне сенсомоторного мышления развитие ребенка отличается от развития животного. «Дело в том, что сенсомоторные схемы человеческой деятельности завязываются как схемы деятельности с вещами, созданными человеком для человека, и воспроизводят логику» опредмеченного» в них разума, общественно-человеческого мышления». [5, с.371] Не биологическими, а собственно человеческими телесно-двигательные характеристики делает не механика или энергетика движения, а его встроенность в социально-культурное пространство, использование в структуре человеческого осуществления, подразумевающего определенный характер целеполагания, детерминированность социальными потребностями, мотивами, ценностями; структурированность, оформленность посредством усвоенных навыков, знаний, стереотипов двигательных привычек, определяющих в значительной мере как исполнение, так и восприятие действия, характер его осмысления.

Каким бы видом деятельности ни занимался человек — материальным производством, общественно-политической деятельностью, художественным творчеством, спортом — всегда наряду с «внешними» результатами его деятельности (продуктами производства, политическими программами, произведениями искусства, спортивными рекордами и т.д.) возникает и результат «внутренний», т.е. изменение, развитие самого человека, его способностей, умений, знаний. Создавая мир вещей, человек совершенствуется, «надстраивает» свои возможности, расширяет рамки общения; он порождает новые потребности и ищет способы их удовлетворения.

Обращение к различным сообществам показывает, что движения тела у них различны. Иными словами, каждое общество производит свои «технологии» движения и значит, представители разных обществ будут иметь свой, отличный от других образ тела, что обусловлено различиями социальных форм бытия. Человек – социальное существо, и потому его тело – это не только физическое тело, но и тело, наделенное определенными умениями и навыками, которое он получает от социальности. По мере взросления полученный и индивидуально переработанный опыт социальности настолько прорастает в него, что все движения человека представляются «естественными», едва ли не данными от природы. Впервые проблематика телесных техник была поднята М.Моссом. Под телесными техниками понимаются традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом. Обращаясь к различиям в телесных техниках разных народов М.Мосс предлагает пользоваться термином «habitus», что означает «навык», «способность к чему-либо». Такие техники находятся в сердцевине духовной культуры и воспроизводят социальный опыт, они касаются не только ментальных трансформаций субъекта, но захватывают его целиком, во всей его телесной полноте. М.Мосс приводит несколько достаточно красноречивых примеров, свидетельствующих о том, что даже такие простые человеческие движения как техника плавания, сидения, насыщения, ходьбы, копания и пр. разнятся в разных культурах. «Британская пехота, считает М.Мосс, марширует не так как французская: другая частота, другая длина шага. Вустерский полк, проявивший большую храбрость на Энее, спросил королевского разрешения, чтобы им играли

французские трубачи и барабанщики. Результат, – говорит М.Мосс, был обескураживающий: полк рослых англичан не мог маршировать, музыка не совпадала с шагом».

И. Ильин в лекции «Душа» пишет: «Русский в жизни спокоен и расслаблен. Его походка легка: он не несетя, он не тащится, он не марширует, он не шествует; он идет, так как идетя само по себе – неброско, естественно, с расслабленными мышцами; примечательно, что русский на чужбине узнает земляка по походке» [6, с. 88].

Техники активности и движения: положение тела, дыхание и ритм во время ходьбы, размахивание руками, разворот ступней, ширина шага, способы сидения и техника сна – специфичны для различных культур, оптимальны для среды обитания того или иного народа, его темперамента, строя его души, особенностей мышления.

Многими исследователями приводились убедительные факты социокультурной детерминированности человеческих чувственных ощущений. Так, отсутствие в языках некоторых народов цветовых названий приводит к невозможности их различения [8]. Древние греки не воспринимали синего цвета, и напротив большой перцептивный опыт и развитая категориальная система позволяет народам Севера отличать сотни оттенков белого цвета.

Человеческое тело не просто присутствует в мире наряду с другими телами и объектами, а присоединяет себя к миру и в известном смысле творит его: потребности и желания человека, выраженные в экспрессивных жестах, создают значения, а следовательно, заключает Мерло-Понти, именно тело «проектирует вокруг себя культурный мир» [8, с. 171]. Жест, мимика играют в процессе взаимодействия роль, которую не может выполнить ни одно другое средство; с их помощью человек как живое тело открывает мир, создает смысл этого мира, выражает себя и свое отношение к нему. Движение природного тела обретает здесь характер собственно человеческого движения: осмысленный жест тела по отношению к «другому» и к миру открывает такие возможности движения, «о каких ни физиология, ни биология даже не подозревают» [8, с. 85].

Литература:

1. Никитин, В.Н. Онтология телесности: Смыслы, парадоксы, абсурд.- М.: Когито-Центр, 2006
2. Тищенко, П.Д. Психика и соматические процессы// Общественные науки и здравоохранение. М.,1987
3. Тхостов, А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002.
4. Бахтин, М.М. Работы 20-х годов. Киев, «Next», 1994.
5. Эвальд Васильевич Ильенков /Э.В.Ильенков; [под ред. В.И. Толстых]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
6. Куц, В. Культура самозащиты: русский кулачный бой. Ростов н/Д.: Феникс, СПб: Северо-Запад,2006.
7. Лурия, А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974
8. Merleau-Ponty, M. Phenomenology of Perception. L., 1968.